

ОТКРЫТАЯ

встреча



Приложение
к газете

32

ЧЕМ ВЕРА В БОГА ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ВЕРЫ В БАБУ ЯГУ ИЛИ ДЕДА МОРОЗА?

На вопросы отвечает свящ. Георгий Кочетков

— Чем по существу вера в вашего Бога отличается от веры в бабу Ягу или Деда Мороза? Ведь ни то, ни другое нельзя ни доказать, ни опровергнуть. И то, и другое основано на сказках и мифах. Только, пожалуй, не приводит как доказательство мистический опыт. Померещиться может всё что угодно и кому угодно.

О. Георгий: Вопрос Ваш сводится к вопросу о вере и знании. Вы хотите сказать, что вера — вещь суеверная или недостоверная в принципе. Поскольку все предметы веры недоказуемы, то значит, их нет или они просто фантазия, миф, сказка, легенда, они вымышлены, но не реальны. Однако если мы уберём сферу веры, настоящей живой веры из жизни человека, то мы должны будем или, как сказал Достоевский, признать: «если Бога нет, то всё позволено», и будет царить вседозволенность, которая губительна прежде всего для тех, кто этот принцип для себя признаёт возможным, а потом и для всех окружающих, или же мы должны будем примириться с тем, что потерявший всякую веру человек обречен на скорую смерть. Ведь разуверившийся человек, как показывает всеобщий жизненный опыт и статистика (а это уже вещи объективные, т.е. пусть не живые, но доказуемые), гибнет. Разуверившись в жизни, в любви, в Боге, в близких, в близких людях, в себе самом значит покончить со своей жизнью, потому что такому человеку незачем жить.

Конечно, я не знаю, что Вы имеете в виду под верой в Бога, как Вы себе представляете Бога и саму веру. К сожалению, из Вашего вопроса понять это почти невозможно. Однако это важно. Важно Вам об этом подумать. Если Вы под верой подразумеваете просто легкое или суеверие, т.е. ложную веру, веру зрящую, веру всуе, или слепую веру, или веру фанатическую, т.е. все виды больной, искаженной, извращенной веры — это одно. Если же Вы всё-таки имеете в виду настоящую веру как свойство человека быть открытым, давать авансы доверия по любви к тому, кому доверяешь, то это совсем другое дело. Вопрос, кому доверять, а кому нет — это серьёзный вопрос. И так легко с ним не разлазаясь. Ошибки в ответах на такие вопросы могут очень дорого че-



Сотворение Адама.
Собор в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Мопреале (Сицилия).
Италия. Мозаика главного нефа, кон. 12 в.

ловеку стоить. Если человек доверяет Богу, если он Ему открыт, так же как если он открыт ближнему своему, доверяет ему, то он имеет шанс войти в особую духовную сферу жизни. И это очень важно. Человек — я уверен, что Вы согласитесь со мной — не просто некое высокоорганизованное животное, которое может или привязываться, ласкаться, или отгрызаться, которое просит есть, желает спать, размножаться и тому подобное. Животные имеют душу, но духа не имеют. А вот человек имеет дух, и этим-то он близок к Богу, потому что Бог есть Дух, как сказано в Евангелии. И в человеке есть дух, в нём есть, как говорят богословы, богородный корень. Человек — родственник Бога, хотя иногда не самый близкий. На этом родстве, средстве и строится доверие к Богу и вера, и возможность проверить свой духовный опыт по делам, по результатам; как говорит нам Евангелие: «По плодам их узнаете их». По плодам узнаётся человек,

но по плодам узнаётся и Бог, и наши отношения с Ним.

Итак, нам очень важно помнить о том, что мы люди. Мы верим в Бога, потому что мы люди. Животные не верят в Бога, хотя и животное может чувствовать, где рядом с ним человек, верующий в Бога, а где неверующий, где — исполненный любви, а где — ненависти. Бог есть любовь, и если мы не верим в Бога, мы не верим в любовь, мы отрицаем всякую возможность человеческой любви, а не просто животной привязанности или страстного похотения. Дай Бог, чтобы Ваш вопрос помог Вам найти путь к Богу, а не к деду Морозу и не к бабе Яге. Боюсь, что эти пути Вами уже были исхожены. Всё-то Вам хорошо.

— Бабушка, верят ли православные в сглаз? Вот мне после встречи со знакомыми стало плохо, я и святой водичкой лицо умыла, и молитву какую нужно прочитала, а всё равно три дня после этого лежала, встать не могла. Моя бабушка тоже была очень чувствительна к сглазу. Что с этим можно сделать?

О. Георгий: Самим Вашим вопросом Вы показываете, что уже верите в сглаз. Поэтому мне не совсем ясно, что Вы хотите узнать и понять в связи с этим. Судя по всему, Вы считаете себя человеком православным и, может быть, задумываетесь о том, не противоречит ли одна вера, в Вас уже существующая, другой, также уважающейся в Вас.

Вопрос, который Вы задали, действительно, не очень простой. Люди часто произносят какие-то слова, не очень понимая их значение. Какое-то энергетическое взаимодействие при встрече и общении людей, когда они совместно работают или отдыхают, вместе живут, общаются, неизбежно существует. Человек — существо сложное, его пронизывает множество разных энергий — физических, душевных, духовных, и их взаимодействие неизбежно. Но то, что люди понимают под «сглазом», это всё-таки немного другое. Наверное, под этим чаще всего подразумевается некий чувственный «вампиризм», когда какая-то душевная, а за ней и физическая энергия перетекает от од-

ного человека к другому, иногда без ведома первого или второго. Один человек может питаться душевной, физической и духовной энергией другого человека, часто безответственно, часто эгоистически, часто потребительно. И это, конечно, плохо, не только потому, что может ухудшиться самочувствие, состояние здоровья и ослабить человека до того, что он будет подвержен многим болезням, но и потому, что причащает людей, пусть в тонкой форме, но к потребительству.

Может быть, Вы подразумеваете под «сглазом» какое-то чародейство, колдовское действие — я не знаю. Здесь Вы об этом ничего не пишете, не говорите, и я не могу точно знать, что именно Вы имеете в виду. Люди обычно боятся всякого воздействия тёмных духов или тёмных стихий мира сего, которые могут быть и душевными, и физическими. Их воздействие может быть связано с греховностью человека, причём не только того, кто распространяет эту тёмную энергию или благодаря ей потребляет силу другого человека, но это может быть связано и с греховностью самого человека, который не различает это и может себя как бы открывать этим дурным воздействиям. В Священном Писании сказано: «Не обманывайтесь, братья, дурные сообщества развращают добрые нравы». Это действительно так. Не потому, что есть грешные и безгрешные люди — нет, конечно. Все люди в чём-то не совершенны и много согрешают, даже святые. Но, тем не менее, есть большая разница между грешником, который посвящает свою жизнь служению греху и злу, и святым и праведником, который посвящает свою жизнь служению Богу и Церкви, Божему миру, который не боится отдавать, потому что Бог ему посылает значительно больше. Когда человек исполняет заповеди, он получает от Бога благословение, а значит, и дополнительную силу — силу любви, силу правды, справедливости, мира, и это очень ценно. Не бойтесь сглаза, не бойтесь и ничего тяжелого и страшного. Вы сумеете не бояться, если сами будете исполнены добра, света, милости, благодарности, а ещё — покаяния, смирения и послушания Богу.

Про церковную археологию, всемирное наследие и найденных родных

С XVIII века по Владимирскому тракту в Сибирь пешком шли осуждённые на каторгу. При советской власти эту дорогу назвали «Шоссе Энтузиастов». По ней рано утром мы и отправились в такой знакомый по открыткам город.

Храм Покрова на Нерли видно издали. И пока мы идем по пахнущему травой и свежестю полю, вполне успеваем примерить к нему слова «самый совершенный на Руси» — так обычно пишут в туристических буклетах. Правда, реконструкция дает совсем не лирический, а строгий и величественный его образ. Мы рассматриваем удивительно белокаменную резьбу: образы фантастических зверей, окружающих царя Давида, поем тропари Успению, Покрову и Преображению и идем к другому храму, в Боголюбово — это родом.

Оба эти храма были основаны человеком крутого нрава — князем Андреем Боголюбским, впоследствии канонизированным. Когда его убили приближенные бояре, народ, почуввав свободу, пустился во все тяжкие — жили, грабили. По преданию, остановив мятежный русский дух удалось только священнику Боголюбского монастыря, вышедшему на улицы с Владимирской иконой Божьей Матери. Дела очень давно минувших дней... Мы идем под линией электропередач, уродующей пейзаж, как будто нарочно проведенный рядом с этим храмом, вдоль разноцветных платков, наборов открыток и расписных матрешек. Какое это все имеет к нам отношение? И что-то говорит, что

отношение самое прямое, и воспоминание об этом прошлом есть в каждом из нас. Это мои предки напивались, терли человеческий вид, грабили и убивали. И мои же родственники шли с иконой. Все это где-то там, в родовой памяти, зашито в надежных генетических хитросплетениях.

От Покрова на Нерли до Боголюбского монастыря добрались за 15 минут. На большой территории смотрим два храма: Рождество-Богородицкую церковь XII века и давший своей тяжестью, несмотря на внешнее подражание древним формам, собор Боголюбской иконы Богоматери конца XIX в. Древний храм искажен перестройками, почти на 1,5 метра закрыт снизу культурным слоем. Под стекленным полом видны позеленевшие камни, которые когда-то были основанием храма. Еще раз вспоминаем князя Андрея Боголюбского. Его убили здесь рядом, во дворе, из которого можно было пройти в храм по переходу. На территории монастыря сверяем полученные за год знания с увиденной церковной архитектурой. На выходе покупаем «монастырские пирожки и пищу» и после обеда движемся дальше.

Центральное Владимирское кладбище — прямо напротив прославленного в песнях «Владимирского центра» — российский тюрьмы для особо опасных преступников. Здесь сидят люди, осужденные за тяжкие преступления, со сроком от 15 до 25 лет. Здесь дважды за свою жизнь отбывал наказание епископ Афанасий (Саха-

ров), причисленный в наше время к лику святых. Мы стоим около его могилы — она как раз напротив тюремных корпусов, закрытых от нас деревьями. Разнотравье, птичьи голоса, тишина. Поем «Святитель отче Афанасий, моли Бога о нас!» и «Венную память» всем его сотрудникам и союзникам, потребным рядом, и всем христианам, лежащим на этом кладбище. «Вечная память» звучит здесь особенно торжественно и светло. На знаменитом Поместном Соборе 1917-1918 гг. будущий святитель был одним из членов Богослужебной комиссии. В 1920 году он стал архимандритом владимирского Рождественского монастыря, в 1922 году — настоятелем Боголюбского монастыря, откуда мы только что приехали (вот когда ощущаешь, что знаний по истории церкви у нас катастрофически мало). В марте 1922 года владыка Афанасия, который к тому времени уже был возведен в сан епископа Ковровского, викария Владимирской епархии, впервые арестовали. А всего после епископской хиротонии в ссылке и тюрьмах он провел 33 года, на свободе же — только 33 месяца. Работал на лесоповале, на строительстве круглолежневой дороги, бригадиром лаптеплетной бригады, сторожем, счетоводом, болел сыпным тифом, бесконечно получал новые сроки без объявления приговора. «Настоящий исповедник веры, один из лучших знатоков богослужебного устава, и при этом — удивительно добрый и светлый человек, с большим чувством юмора», — говорит нам Александр Михайло-



У могилы свт. Афанасия (Сахарова)

вич Копировский, наш преподаватель церковной археологии, и показывает старую черно-белую фотографию владыки.

После посещения кладбища на Соборную площадь Владимира приезжаем в особом воодушевлении. Перед нами всемирно известные соборы второй половины XII века — Успенский и Дмитриевский.

Окончание на с. 2

ПРО ЦЕРКОВНУЮ АРХЕОЛОГИЮ

В них много иностранцев. Всемирное наследие — оно на то и всемирное, чтобы к нему приезжали люди за тысячами километров, а те, которые живут рядом, — проходили мимо. Мы тоже часто так делаем...

Фрески Успенского собора рассматриваем в бинокль, и от этого странное ощущение, что ты смотришь апостолу Павлу и апостолу Петру прямо в лицо. Удивительное выражение лиц — не удается подобрать аналогии из жизни. Наверное, потому, что апостолы стоят у порога раи. Мы рассматриваем нестрашный (вещественный и просветляющий) «Страшный Суд» и слушаем историю о том, как Даниил Черный и Андрей Рублев восстанавливали фрески в этом храме, изуродованном татаро-монголами. Но теперь, после посещения владыки Афанасия, самая темная история не кажется такой темной.

На обратном пути, в Покрове, мы идем на могилу Сергея Иосифовича Фуделя — тоже исповедника веры, замечательного православного писателя. Черный крест с белой окантовкой, белой надписью «Сергей Иосифович Фудель» и цифрами «13.1.1900—7.III.1977». Звучит лития, а потом мы читаем вслух фрагменты из его книги «У стен Церкви»: «Церковь есть тайна преодоления одиночества... тогда только истинно приходишь к стенам Церкви Божией, когда луч любви робко, но и внятно начал растапли-

вать лед одиночества, и ты уже не замечаешь того, что только что воздвигало вокруг тебя колючую проволоку: ни неверия священника, воображаемого тобой только или действительного, ни злости «уставных старух», ни дикого любопытства двух случайно зашедших парней, ни коммерческих переговоров за свечным ящиком...» Мы читаем книгу и знакомимся не с текстом, а как будто с самим человеком. И опять такое же ощущение, как на могиле владыки Афанасия: мы не туристы, даже не паломники, мы пришли в гости.

Оказывается, что С.И. Фудель и владыка Афанасий не раз встречались. Когда-то в 1922 году в маленьком поселке для сыльных Усть-Сысольске Зырянского края (ныне это столица республики Коми Сыктывкар) Сергей Иосифович Фудель венчался со своей невестой Верой Максимовной Сытиной. Венчал их на своей квартире епископ Афанасий. С тех пор он стал одним из самых близких друзей Фуделей. Сергей Иосифович писал о нем: «Старец-епископ был одним из тех редчайших людей, которым хочется поклониться до самой земли...» Уезжать не хочется. Кажется, что мы нашли нечаянно потерянных родственников.

Вот такой получился день. Обычная суббота, всего один день, наполненный до краев.

Елена Кудрявцева

А.М. КОПИРОВСКИЙ ВСПОМИНАЕТ О ВСТРЕЧАХ С С.И. ФУДЕЛЕМ:



С.И. Фудель

С Сергеем Иосифовичем я познакомился в начале 1970-х годов, через его книги, которые мне давал Николай Евграфович Пестов (+1982), известный церковный писатель. Самиздатские странички этих книг («Воспоминания об отце», «Церковь верных», «Свет Церкви», «О Флоренском» и др.) просто обжигали: такого о Церкви и отдельных людях в ней я, конечно, не только не читал, но и не представлял себе. А скоро получилось и познакомиться. Мой крестный Георгий Кочетков (ныне — священник) поговорил об авторе этих книг с внучкой Николая Евграфовича Катей, узнал, что автор, как сыльный, живет за 100-м километром от Сыктывкара, в г. Покрове Владимирской области, сильно нуждается, и решил организовать в нашем тогда небольшом молодежном круге сбор средств на помощь ему. Мы собрали, по нашим масштабам, не так уж мало. Но, зная, что купить хорошие продукты в Покрове невозможно, загрузились ими в Москву и поехали, взяв рекомендательное письмо от Николая Евграфовича, — Георгий и я. Запомнились убогость провинциального маленького городка (вдобавок — еще и жуткое название улицы, на которой жил С.И.: «Болынный проезд»), бедная обстановка в его доме, абсолютно пустой холодильник... И, как явление иного мира, особенно контрастное в этой обстановке, — большая Тихвинская икона Божией Матери в углу.

Первая наша встреча с С.И. была не очень долгой. Несмотря на письмо, он был крайне осторожен, и разговора не получилось. Впоследствии наши визиты с продуктами не раз повторялись, беседы налаживались, хотя, все равно, книги говорили об их авторе гораздо больше, чем он сам о себе. Зато удивительно просто и открыто общался с нами его жена, Вера Максимовна, с которой мы подружились, несмотря на разницу в возрасте.

Вспоминаются несколько эпизодов нашего знакомства, длившегося до самой его кончины в марте 1977 г. Однажды он показал мне свою книгу «У стен Церкви», еще не вышедшую «в тираж» (т.е. не размноженную на машинке). К ней он приложил маленькую черно-белую фотографию со знаменитой иконы Дионисия «Распятие» (нач. XVI в., из Павлово-Обнорского монастыря, ныне в Третьяковской галерее). Тело Спасителя на ней необычайно вытянуто, почти бесплотно, что передает и ощущение реальности Его страданий и, в то же время, преобразования их, явления через них славы Божией. На обороте С.И. написал: «Этот — икона Церкви, ибо Церковь есть состояние у Креста». С радостью прочитав книгу, я спросил его о названии — почему «у стен», т.е. снаружи, а не внутри? (В книге было выраже-

ние: «... мы можем стоять у ее пречистых стен»). Он такого не ожидал и задумался. Потом сказал: «Ну, нет, конечно, в ней. Я имел в виду, что мы стоим у ее стен изнутри».

Размышляя потом над его ответом, я все-таки пришел к выводу, что для него реальность Церкви на земле выражалась более всего в святых — древних, тексты которых он так хорошо знал, и современных ему (с некоторыми он даже имел счастье общаться лично). Поэтому своим главным делом он считал свидетельство о них новым поколениям христиан, приходящим в Церковь часто «с нуля». Себя же самого он видел в числе стоящих только «у» ее стен. Не случайно эпиграфом к одной из его книг были строки Блока: «...Те, кто достойней, — Боже! Боже! — да узрят Царствие Твое!».

Может быть, это было следствием его отказа от призвания к священству, о чем ему ясно сказал духовный отец, последний оптинский старец Нектарий (об этом писал сам С.И.): «... если не пойдете — испытаете большие страдания». Страдал он, действительно, очень много и глубоко. Многолетние хождения по тюрьмам и ссылки — само собой, но, мне кажется, можно сказать, что он и на свободе жил в атмосфере большой внутренней скорби. Этому, конечно, способствовали болезни и трудности в жизни его детей и его самого. Помню, как во время последней нашей встречи, кажется, за месяц до кончины, он, сильно физически страдавший от болезни крови, когда ему очень сильно хотелось чесаться, превозмогая себя, глухо, с мукой, время от времени произносил: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» На его отпевании священник храма, где С.И. постоянно пел и читал на клиросе (что было для него самой огромной поддержкой и радостью), о. Андрей, уподобил его мученикам, о которых говорится в Апокалипсисе: «Эти те, которые пришли от великой скорби...»

Нательный крест и образки С.И. Фуделя были в мешочке с землей, высланной на его могилу



Еще при жизни С.И. сделал мне бесценный подарок — маленькое четвероевангелие, изданное в начале XX века, которое он чудом пронес через все лагеря и ссылки. Потом к нему добавился его рукописный поминник, ранее принадлежавший его отцу, прот. Иосифу Фуделю, со многими именами. В числе поминаемых им был упокой — тогда еще не причисленные к лику святых оптинские старцы, митр. Киевский Владимир, замученный в 1918 г., митрополит Кирилл (Смирнов), епископ Афанасий (Сахаров), архимандрит Серафим (Битовгов) и др. И еще — кожаный мешочек с землей из Иерусалима, которая предназначалась для того, чтобы высыпать ее на могилу.

Чтобы жертвы были не напрасны...

1 сентября исполнилось 70 лет со дня начала Второй мировой войны. Она продолжалась шесть лет, в ней участвовало более 60 государств, чье общее население составляло более трех четвертей всех жителей Земли. Правда, лишь некоторые из этих стран вели активные военные действия. Другие помогли своим союзникам поставками продовольствия, а многие участвовали в войне лишь номинально.

Среди историков до сих пор идут споры в связи с точной оценкой потерь основных стран-участниц Второй мировой: общее число всех погибших невозможно оценить с точностью большей чем 10 млн человек. Тем не менее бесспорным фактом остается то, что наибольшие потери в войне понесли Советский Союз (20 млн человек — здесь и далее все цифры очень примерные), Германия (8 млн человек), Польша (6 млн человек, включая погибших в концлагерях), Китай (5 млн человек), Япония (более 2 млн), Югославия (1, 5 млн). Англия, Франция, США, Греция, Чехословакия, Италия, Румыния, Венгрия потеряли от полу-миллиона до миллиона человек (включая мирное население, которое составляло почти во всех странах, кроме США, большинство погибших).

Неоднократно приходилось слышать, что Церковь прославляла мучеников, погибших в лагерях, но так и не сумела по-настоящему усвоить их наследие. Что-то похожее происходит и с памятью о войне. Ежегодно 9 мая во всех церквях служится молебен о погибших воинах; День Победы, можно сказать, внесен в церковный календарь — и все же... Вся наша память «завязана» на День Победы, через все пробивается: «а все-таки мы победили». Сами же люди, погибшие в те годы, часто остаются нам безразличны — если б это было не так, разве лежали бы по лесам и полям нашей родины десятилетиями их непогребенные останки?

Потому так важно для нашей паломнической группы было побывать во Ржеве, где память о войне особенно трагична. Ржевская битва была одной из самых тяжелых и кровопролитных — и самой малоизвестной, поскольку не получились оправдать эти многотысячные потери победой. Даже взятие города советской армией произошло потому, что немецкие войска в конце концов сами оставили его. А до того город, в сорок первом взятый немцами быстро и почти без разрушений, оказался практически стер с лица земли нашей же артиллерией при безуспешных попытках отбить его у немцев.

Бои под Ржевом не только унесли жизни тысяч и тысяч солдат, но необратимо изменили сам город. Война докончила то, что не завершила революция, — стерла с лица земли богатый, красивый и уютный купеческий город со множеством храмов. Те из жителей, что не погибли, разбрелись по окрестным селам, чтобы как-то выжить. Из коренных ржевских в городе осталось менее 300 человек из 50 с лишним тысяч. Так что тот город, который можно видеть сегодня, от старого Ржева сохранил только название.

Поэтому именно во Ржеве особенно остро ощущаешь непарадную, непобедную память о войне. Для довольно многих жителей это — не только прочитанное и слышанное, но живая, личная память. На автобусной остановке мы разговорились с пожилой женщиной и совершенно случайно узнали, что она трехлетней девочкой была в числе тех 250 жителей Ржева, которых немцы, отступая, заперли в старообрядческой церкви. А до того ее мать с тремя детьми оказалась в немецком лагере, поскольку свои же соседи доносили, что они — семья офицера советской армии.

И даже на мемориальном кладбище на стене красуются не привычные всем цифры «1941—1945», но «1941—1943», именно столько длились бои под Ржевом. Создан этот мемориал сравнительно недавно, когда уже стало невозможно отмахиваться. В 1990-е годы Германия обратилась с просьбой установить возле Ржева мемориальное кладбище немецких солдат, после чего оказалось невозможным оставить без такой памяти и солдат советских.

Собственно, мы попали туда практически случайно. Нас знакомила с городом учительница истории Людмила Ивановна Борисова — рассказывала нам и о прошлом, и о настоящем своего города. Планировали мы пойти в краеведческий музей, но он по неизвестным причинам оказался закрыт, и часть вечера «провисала». Тогда-то и родилась идея съездить на мемориал. По дороге Людмила Ивановна призналась, что попала сюда впервые и только благодаря нам — все потому,

что рядом захоронены и немецкие солдаты. И рассказала, что так и не может ответить себе — надо ли было разрешать устроить рядом немецкое кладбище? Сама-то она войны не застала, но хорошо помнит рассказы матери об оккупации, о том, как немецкий солдат едва не застрелил бабушку, когда она не давала отобрать свою обувь.

Действительно, оба кладбища расположены практически рядом, разделяет их только невысокая ограда. Прозрачная, почти без стен часовенка с куполом-луковкой над русскими могилами, строгий лютеранский крест — над немецкими. Людмила Ивановна рассказала, что могилы все прибавляются — каждую осень здесь торжественно хоронят останки, найденные поисковыми бригадами, и 60 с лишним лет спустя конца все еще не видно.

Часовенка требовала молитвы. Отсыкалась с собой книга с текстом заупокойной ектенки, а потом откудало взялись и свои слова. Молились каждый о том, что считал самым главным в памяти о войне. О единении живых, о покаянии и прощении обид — потому что мертвые, упокоенные здесь, уже не ведают наших разделений, а нас, живых, они продолжают тревожить. И о трезвенности памяти, об избавлении от искажающих истину мифов. О том, чтобы, не разучившись различать добро и зло, уйти от черно-белой логики «хороших» и «плохих», абсолютно правых и целиком виноватых. Невольно вспомнилось, что следующий пункт нашего паломничества — Нилова Пустынь — напоминает о не менее трагических, но совсем иных страницах истории. На территории монастыря в 1939-40 гг. находился лагерь для польских офицеров, взятых в плен во время раздела Польши между Германией и СССР. Это отсюда их увозили на расстрел в Мелно, где многим из нас довелось побывать. Об этом прошлом напоминает мемориальная доска у ворот монастыря, но многочисленным паломникам об этом рассказывают вскользь, стараясь поскорее проскочить эту неприятную страничку. И молились мы, конечно, и о том, чтобы наш народ мог покаяться и отречься от позорного прошлого.

Потом перешли на немецкую поляну. Русская надпись на камне (немецких никто не мог прочесть по незнанию языка) поразила совпадением с нашими молитвами. «Пусть покоренные здесь найдут свое упокоение и послужат соединяющим звеном для живых». Все естество человека противится мысли о том, что гибель стольких людей могла быть напрасной. Не случайно в свое время А. Галичу не простили его песни о пехоте, которая погибла под Нарвой «без толку, зря» — причем не простили даже люди, не испытывающие особых иллюзий по отношению к советской власти. Но тут вдруг стало ясным, что имел в виду Галич. Напрасны были жертвы или нет, определяется не только тем, чья армия вступила в город или чей главнокомандующий подписал капитуляцию, но и тем, какой урон извлекли из этого мы, живые. И солдаты Галича погибли напрасно потому, что о них забыли, что по местам сражений гуляет охота — барская забава, а Россия по-прежнему пребывает в беде. Так что и от нас, живущих сегодня, зависит упокоение погибших, смысл и оправдание их гибели.

Ольга Ярошевская